
Андрей ШАЦКОВ

НОЧНОЙ ПЕЙЗАЖ

Пейзаж в оконной раме: «Руза спит...»
Морозной вязью — на стекле названье.
И даже вьюга — Божье наказание —
Затворницей ушла в еловый скит.

Завороженный кистью января,
Я не оставлю пост свой полуночный.
На городок из прошлого — лубочный —
Еще не пала робкая заря.

Собака спит. Печной проем — в золе.
И Спас глядит пронзительно и строго,
Как утопает в замети дорога,
Как без движенья стилос на столе

Застыл поверх нетронутых бумаг,
Предвестником поэмы о печали,
Которой, очевидно изначале,
Название будет: «Горе от ума».

На сотни верст, на сотни дней — окрест
Лежит загадкой белое пространство.
И светит с неба полумесяц ханства
На птичий след — на русских вранов крест...

Я эту ночь, что минула без сна
С бесшумною повадкой снежной рыси,
Возьму с собой в заоблачные выси,
Когда придет последняя весна!

ПРЕДЗИМЬЕ РУЗУ ПОГРУЗИЛО В СОН

Предзимье Рузу погрузило в сон.
Так тянет поплавок на дно грузило.
Уныл сиротский колокольный звон,
И крестная не сходит с неба сила.

Андрей Владиславович Шацков родился в 1952 году в Москве. Автор пятнадцати поэтических книг. Член Союза писателей России и Международной ассоциации журналистов. Кавалер ордена Преподобного Сергия Радонежского РПЦ и многих литературных премий и наград. Главный редактор альманаха «День поэзии — XXI век». Лауреат премии Правительства Российской Федерации 2013 года в области культуры. Живет в Москве и в Рузе.

Тягучи увяданья года дни.
И тяжело утрами просыпаться.
И слышится: «Распни его, распни...»
Но сердце не желает распинаться

Дождем осенним бесполезных фраз —
Мертворожденных, смешанных с листвою.
Закат, не вспыхнув, за окном погас.
И сад зарос забвения травой.

Твои друзья давно ушли туда,
Где Бог собрал певцов России души.
Они глядят, как тонкая слюда
Покровом льда затягивает лужи.

Но ты своей души не охолонь,
Опорожнив до дна печали кубок.
В печи холодной воскресить огонь —
Любви былой — отчаянный поступок!

И обогнавши вьюгу на бегу,
Как было встарь, когда-то, раньше, прежде,
Из черных будней выбели строку
О вере, о любви и о надежде!

МЕЖСЕЗОНЬЕ

Проседают снега, и когда-то, не сразу, не вдруг,
Но однажды настанет такое желанное лето.
Не гляди на меня с укоризной, неласковый друг.
Я уйти не могу. Я останусь с тобой до рассвета.

Межсезонье... Апрель запоздал в этот сумрачный год.
К Благовещенью могут грачи не вернуться на гнезда.
Ледоход начинается... Только какой ледоход?
В зимнем небе горят в полыньях отраженные звезды.

И на сердце твое не приходит шальная весна.
И не бродит в березах апрельская терпкая брага...
Мне бы только суметь умыкнуть из медвежьего сна
Ту, которой готова с печальным сонетом бумага.

Слышишь, талые воды напевную песнь завели?
Обнажились прогалы земли, и за светлыми днями
В старый Овстуг вернутся из дальних краев журавли.
И растаявший пруд, словно луг, процветет лебедями.

Что имеем — недолго в стихах с посвящением храним.
Потеряем — и память забьется в мучительном плаче...
А Россия стоит, словно Третий — незыблемый — Рим.
В ней любовь не живет или просто зовется иначе.

О ВЕЧНОСТИ

А вечность течет и уходит в песок —
Прибрежный песок камышовой протоки.
И с устьем сольется далекий исток
Той жизни, чьей Богом отмеренный срок
Позволил родить эти грустные строки.

Они загорчат у тебя на губах,
Когда их прочесть попытаешься тихо.
Они — упорхнут перепелкой в хлебах,
Узорами лягут на ворот рубах,
Их осенью в землю стряхнет облепиха.

Бог милостив, ты не приходишь во сны.
И имя твое перестало «святиться».
Лишь память осталась от давней весны
И держит на кончике острой блесны,
Как шуку, что вышла из льдов — нереститься.

Кончается путь, и кончается лес.
Гудит электричка у края погоста¹.
И ангелы машут призывно с небес
Из горней обители райских чудес.
А может быть, это почудилось просто.

И сын возвращается вечной зимой,
Полночную дверь открывая без стука.
Мы были когда-то единой семьей,
Теперь он кружит горюном над землей
И плачет слезой нерожденного внука!

«ПОУЧЕНИЕ» О ЛЮБВИ

«Поучение Владимира Мономаха» —
литературный памятник XII века, на-
писанный великим князем Владими-
ром Мономахом.

Из материалов Википедии

Без любви — не закроется рана.
Без любви — не наступит весна.
Жизнь грустна, как дуа из Корана,
Как акафист о скорби — грустна.

¹ Ваганьковское кладбище, своей тыльной стороной выходит к Белорусской железной дороге у станции «Беговая».

Долгожители, что в вашей доле,
Если солнце идет на закат?
Если вашей утраченной воли
Не хватает на грома раскат,

Чтоб звенел над встревоженной крепью,
Пригибая к земле ковыли.
И летела над лесом и степью
Неизбывная песнь о любви...

Волос сед, но не дрогнули руки,
Ухвативши за повод коня.
Где-то сзади отставшие внуки:
«Воротись!» — окликали меня.

«Желторотые, что вы галдите,
Как птенцы среди развесистых крон.
К самой первой, единственной — Гите
Я в Смоленск — на последний поклон...»

Жизнь порою покажется сказкой,
Распахнет лебедицы крыла.
Ах, какую же стройной и баской
Англосаксов принцесса была!

И какая же только путина
Занесла ее в Древнюю Русь...
Родила богатырского сына.
Разделила княжения груз.

И дрожали скуластые ханы,
Побросав многочисленных жен.
Если я в полуночные станы
Лез с дружиною, как на рожон.

А при встречах — горели ланиты,
И шептали с любовью уста
Имя северной женщины — Гиты,
Чьих волос — не белей береста...

Но кончается путь Мономаха
У подножья простого креста,
Где над памятью горького праха
Асфodelью цветет красота.

И болит незажившая рана.
И белеет рубец среди седин...
Но стрелой в половецкого врана
Метит князя Владимира сын!

За щитом Мономахова рода
Русь растит боевое жнивье!..
И под куполом ясного свода
Кружит лебедем имя ЕЕ!

СНЕГОВЕЙ

Эта книжная пыль,
прилетевшая из ниоткуда,
чтоб, смешавшись со снежною —
вновь улететь в никуда,
мне напомнила:
бабушка сказку читает про чудо,
что останется в сердце
осколками первого льда.

За окном — снеговой,
и тихонько теплится лампада,
освещающая в углу
позабывших святых образа.
Подойду, поклонюсь,
если бабушке этого надо,
чтоб у ней не дрожала
на краешке глаза слеза.

Помолюсь за прародича,
павшего возле Сморгони,
и других, что лежат
у Непрядвы за толщею дней.
И услышу — звенят
удилами без всадников кони,
те, что стали предтечей
восставших из ада коней.

Засыпает мой дом,
и, поддавшись теплу и покою,
позабуду, что снилось
в ребячьем рождественском сне...
Только время придет,
и, как инок над вязкой строкою,
я склонюсь в подступившей,
недоброй ночной тишине.

А над Рузой плывут облака
и густые туманы,
и на восемь сторон
шлет лучи Вифлеема звезда.
И с холма над рекою
увидятся дальние страны —
те, в которых бывать
не придется уже никогда.

И потянут в былое, назад
родовые вериги,
словно гири от ходиков,
вставших когда-то, Бог весть.
И покروются призрачной пылью
забытые книги,
те, что я не успел написать
или просто — прочесть.